

УДК 341.242:124

Н. А. Якубовская

**РАЗВИТИЕ КАК ЦЕЛЬ:
ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ДОГОВОРОВ В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЦЕНТРА
ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРОВ**

На протяжении нескольких десятилетий устойчивое экономическое и социальное развитие является одной из главных тем повестки дня международного сообщества, подтверждением чему служит общемировая приверженность Целям развития тысячелетия¹. Развитие — это не просто абстрактная «руководящая идея», но конкретная цель, к достижению которой стремятся все государства. Соответствующие нормы входят в контекст² значительного числа международных соглашений, совокупность которых составляет основу источников международного права развития³.

Следует отметить, что ввиду комплексности такого феномена, как развитие, отобразить в едином международно-правовом документе все его аспекты просто невозможно. Поэтому соглашения, регулирующие международное сотрудничество в целях развития, отражают лишь одну или несколько граней этого явления: достижение устойчивого развития, ограниченные возможности развивающихся стран и необходимость удовлетворения их нужд и потребностей в области развития, укрепление потенциала стран с переходной экономикой, проведение комплексных мер по социальному и экономическому развитию всех государств и т. п.

Кроме того, «развитие» зачастую выступает в качестве цели договора, закрепляемой в преамбуле, и не связывает стороны четкими обязательствами. В результате государства неизбежно приобретают значительную свободу действий при применении договоров, имеющих своей целью развитие, достижение которой не всегда можно оценить благодаря конкретным, «осязаемым» результатам. Это, в свою очередь, может дать повод подвергать сомнению добросовестность выполнения таких соглашений и являться причиной возникновения международных споров⁴.

Данная статья посвящена рассмотрению практики международных судов при толковании международных договоров, регулирующих сотрудничество государств в целях развития, на примере арбитражных трибуналов Международного Центра по урегулированию инвестиционных споров (далее — МЦУИС). Выбор инвестиционных арбитражей в качестве примера обусловлен тем, что содействие развитию выступает в качестве конечной цели Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года и международных инвестиционных соглашений, а также тесной связью, которая существует между иностранным инвестированием и деятельностью в области сотрудничества в целях развития⁵.

Практика судебного толкования международных договоров анализируется в работах таких авторов, как Фицморис Джеральд («Law and Procedure of the International Court of Justice 1951-4: Treaty Interpretation and Other Treaty Points», British Yearbook of International Law, 1957), И. С. Перетерский (Толкование международных договоров, 1959), Ховс Роберт (Adjudicative Legitimacy and Treaty Interpretation in International Trade Law: The Early Years of WTO Jurisprudence, in J Weiler (ed), The WTO, the EC and the NAFTA — Towards a Common Law of International Trade, 2000), И. И. Лукашук, О. И. Лукашук (Толкование норм международного права: Учебно-практическое пособие, 2002), Летсас Джордж (A theory of interpretation of the European Convention on Human Rights, 2007), Линдерфальк Ульф (On the interpretation of treaties. The modern international law as expressed in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, 2007), Александр Орахелашвили (The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law, 2008), Гардинер Ричард (Treaty interpretation, 2008), Ван Дамм Изабель (Treaty interpretation by the WTO Appellate Body, 2009), Есвальд Салакус (The Law of Investment Treaties, 2010) и др. Следует также упомянуть о публикациях, которые посвящены спорам, непосредственно связанным с «развитием». Это, прежде всего, The Law of Development and Arbitration Tribunals in F. Snyder, P. Slinn (eds.) International Law of Development: Comparative Perspectives, 1987 (автор — Филип Кан) и Development Disputes in International Trade in Y.-S. Lee, G. Horlick, W.-M. Choi, T. Broude (eds.) Law and Development Perspective on International Trade Law, 2011 (автор — Томер Бруд). Следует, тем не менее, констатировать, что литература, посвященная проблематике толкования положений международных соглашений, закрепляющих «развитие» в качестве объекта и/или цели, практически отсутствует.

Применение норм международного права напрямую зависит от правильного понимания их содержания и целей, что достигается с помощью толкования⁶. Толкование договоров в духе добросовестности и в соответствии с правом необходимо для соблюдения принципа *pacta sunt servanda* [5, с. 219].

Толкование договоров, имеющих своим объектом и/или целью содействие развитию, не обладает какими-то особенностями. Установление нормативного содержания таких документов не выходит за рамки статей 31–33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее — Венская конвенция).

Толкование не происходит автоматически. Оно требует комплексного анализа всех элементов, упомянутых в статье 31 Венской конвенции. Комментируя соответствующие положения Венской конвенции, Комиссия международного права подчеркнула, что толкование имеет своей целью установить смысл текста, а не изучать *ab initio* предполагаемые намерения участников [5, с. 220]. При этом презюмируется, что намерения сторон проистекают из обычного значения используемых ими терминов, которые, в свою очередь, не должны определяться абстрактно, но в контексте договора и в свете его объекта и целей [5, с. 221].

Как писал И. С. Перетерский, задачей толкования международного договора является уяснение воли сторон, то есть содержания установленных ими в договоре правил, определяющих их права и обязанности, и той цели, для достижения которой заключен данный договор [6, с. 22]. Выяснение целевой направленности международных договоров составляет назначение толкования, его суть, а предмет телеологического толкования выделяется на самом важном уровне анализа интерпретационной деятельности [7, с. 12]. Значение телеологического толкования неоднократно отмечалось и в решениях международных судов (например, Международным судом ООН в спорах *France v. United States of America* [8, с. 197–198] и *Denmark v. Norway* [9, п. 27], Апелляционным органом ВТО в споре *US — Shrimp* [10, п. 114] и т.д.).

Можно вывести определенную закономерность: чем понятнее «обычное значение» слов, тем меньшую роль играют объект и цели договора. В Консультативном заключении о компетенции Генеральной Ассамблеи в отношении приема государства в члены ООН от 3 марта 1950 г. Международный суд ООН указал, что «если соответствующие слова в их естественном и обычном значении имеют смысл в их контексте, то это кладет конец делу» [11, с. 8]. Идя от противного, д-р Хеннинг Гросс Русе-Хан утверждает, что к объекту и цели договора необходимо прибегать, если значение слов неоднозначно и предполагает различные интерпретации [12, с. 166]. Поэтому когда речь идет о положениях с конкретным или техническим смыслом, влияние цели договора, как правило, снижается (как проявление принципа *lex specialis*). С другой стороны, чем более неоднозначным, неопределенным и многослойным является «обычное значение» положений договора, тем больше оно нуждается в дальнейшей конкретизации и определении в свете объекта и цели договора (как *argumentum a contrario* принципа *lex specialis*) [12, с. 165].

Таким образом, положения, включающие широкие юридические термины и понятия, к коим однозначно относится «развитие», требуют

толкования, которое в значительной степени опирается на объект и цель договора.

Телеологическая интерпретация Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года (далее — Вашингтонская конвенция) арбитражными трибуналами МЦУИС лежит в основе обоснования необходимости существования положительного вклада инвестиций в развитие принимающего государства. Ссылка на «необходимость международного сотрудничества для целей экономического развития и ту роль, которая принадлежит в этой области частным международным инвестициям», содержится в преамбуле Вашингтонской конвенции [13]. Хотя в общем Вашингтонская конвенция призвана создать эффективные средства урегулирования споров, обеспечение безопасности иностранных инвестиций в развивающихся странах способствует притоку капитала, необходимого для стимулирования их экономического развития, что является конечной целью Конвенции [14, с. 17]. Как отмечает Штефан Шилл, защита инвестиций и нейтральный механизм разрешения споров исторически являются частью политики развития, активное содействие которой оказывало международное сообщество и, в частности, Всемирный Банк [3, с. 178], под эгидой которого Вашингтонская конвенция и была принята.

Учрежденный Вашингтонской конвенцией МЦУИС — это уникальный арбитражный орган, миссия которого выходит за пределы разрешения споров между инвесторами и государствами. Она отвечает духу многосторонних организаций, с которыми он связан (прежде всего Группой Всемирного банка), и не может быть отделена от содействия экономическому развитию государств [15]. Поэтому вполне естественно, что такой параметр, как вклад в экономическое развитие принимающего государства, всегда учитывался, явно или неявно, арбитражными трибуналами МЦУИС в их аргументации применения Вашингтонской конвенции и совершенно независимо от каких-либо положений соглашений между сторонами или соответствующего двустороннего договора [16, с. 12–13]. В решении по делу *Amco Asia v. Indonesia* МЦУИС установил, что Вашингтонская конвенция «направлена в равном объеме и с равной энергичностью как на защиту инвесторов, так и на защиту принимающего государства, не упуская при этом из внимания, что защита инвестиций имеет также целью защиту общих интересов развития и интересов развивающихся стран» [17, п. 23].

Аналогичным образом арбитрами интерпретируются и международные инвестиционные соглашения (соглашения о защите инвестиций), преамбулы которых закрепляют такие долгосрочные цели, как экономическое развитие, благосостояние или взаимное процветание (принимающих государств и государств — экспортеров капитала). Например, двусторонний инвестиционный договор (далее — ДИД) между Кубой и Великобританией подчеркивает стремление сторон к созданию благоприят-

ных условий для иностранных инвестиций, признавая, что соглашение будет «способствовать стимулированию деловой инициативы и увеличит процветание в обоих государствах» [18]. В договорах, составленных на основе финского типового ДИД 2004 года, в преамбуле признается, что предоставляемые инвестиции, среди прочего, должны «стимулировать приток частного капитала и экономическое развитие Договаривающихся Сторон» [19]. В преамбуле договора между Соединенными Штатами Америки и Украиной о поощрении и взаимной защите инвестиций 1996 года стороны, желая «содействовать более широкому экономическому сотрудничеству по отношению к гражданам и компаниям одной Стороны на территории другой Стороны», признали, что «соглашение о режиме, который предоставляется инвестициям, будет способствовать притоку частного капитала и экономическому развитию Сторон» [20]. МЦУИС, разрешая спор *Lemire v. Ukraine*, пришел к выводу, что основная цель ДИД — стимулирование иностранных инвестиций и сопутствующего потока капитала — преследуется не абстрактно, а является включенной в более широкий контекст — экономическое развитие участников соглашения. Экономическое развитие является целью, которая должна отвечать интересам всех, в первую очередь собственных граждан и компаний, а во вторую — иностранных инвесторов. Таким образом, объект и цель договора состоит не в защите иностранных инвестиций как таковых, а в качестве средства развития национальной экономики. Потребности местного развития требуют, чтобы преференциальный режим для иностранцев соотносился с законным правом Украины принимать законодательство и предпринимать меры для защиты того, что она, как суверенное государство, воспринимает в качестве публичного интереса [21, с. 56].

Вклад в экономическое развитие принимающего государства является также одним из признаков иностранных инвестиций по смыслу Вашингтонской конвенции (так называемый «тест Салини»). В споре *Salini Costruttori SpA and Italstrade SpA v. Морocco* МЦУИС отнес к признакам инвестиций: взнос, определенную продолжительность в исполнении контракта, участие инвестора в рисках контракта, а также вклад в экономическое развитие принимающего государства в качестве дополнительного условия. МЦУИС также определил, что по крайней мере два критерия необходимы для того, чтобы инвестиции вносили вклад в экономическое развитие принимающего государства: (а) инвестиции должны быть полезны для публичного интереса и (б) должна иметь место какая-то передача ноу-хау [22]. Ссылка на вклад в экономическое развитие принимающего государства была сделана впоследствии в спорах *Fedax N.V. v. The Republic of Venezuela*, *Ceskoslovenska Obchodni Banka, A.S. v. The Slovak Republic*, *Joy Mining Machinery Limited v. Egypt* *Jan de Nul N.V. v. Egypt*; *Helnan International Hotels A/S v. Egypt* и др.⁷

Таким образом, даже если арбитражные суды видят непосредственную цель инвестиционных соглашений в защите и стимулировании ино-

странных инвестиций, они не игнорируют и выходящую за эти рамки перспективу содействия развитию [3, с. 197].

Результаты проведенного в статье анализа свидетельствуют о том, что комплексный характер феномена развития «сообщает» процессу толкования международных договоров целевую ориентацию. Благодаря телеологическому толкованию, положения договоров, закрепляющие развитие в качестве объекта и/или цели, могут стать «мерилом» оценки добросовестности соблюдения государствами закрепленных в них норм, выполнять направляющую роль в процессе их применения. Их эффективность, однако, будет зависеть от конкретного договора, а также субъекта, осуществляющего толкование, и его практики.

П р и м е ч а н и я

1. Предполагается, что Цели развития тысячелетия будут достигнуты к 2015 году. В 2012 году Генеральным секретарем ООН была учреждена Группа видных деятелей высокого уровня для оказания содействия процессу консультаций по глобальной повестке дня в области развития на период после 2015 года.
2. Согласно статье 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, контекст договора охватывает его текст, включая преамбулу и приложения, любое соглашение, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора, а также любой документ, принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору [1].
3. Например Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (1965 год), Рамочная конвенция ООН об изменении климата (1992 год), Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1997 год), Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими (1995 год), Конвенция по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке (1994 год), Конвенция ООН о биологическом разнообразии (1993 год), Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии (2000 год), Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии (2010 год), Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (2001 год), Договор к Энергетической Хартии (1994 год), Соглашение о создании ВТО (1994 год), Соглашение о создании Североамериканской зоны свободной торговли (1994 год), Договор о Европейском Союзе (1992 год), Договор о функционировании Европейского Союза (2007 год), Соглашение Котону (соглашение о партнерстве между странами Европейского Союза и странами Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов) (2000 год) и т. д. Положения о «развитии» включены во многие Соглашения о свободной торговле и Двусторонние инвестиционные договоры.
4. Некоторые авторы говорят о спорах в сфере развития как отдельном виде международных споров. Так, например, Томер Бруд считает, что международные споры в сфере развития, с точки зрения юрисдикции и применимого права, возникают из-за нарушения «жестких» норм международного права, таких как торговые или инвестиционные соглашения, но на самом деле, на практике, связаны с политикой госу-

- дарств в области развития, которая на международном уровне регулируется только «мягкими» средствами или не урегулирована вообще [2, с. 30]. По нашему мнению, еще рано говорить о международных спорах в сфере развития как самостоятельном виде международных споров. *Подробнее см.: Якубовська Н. О. Міжнародні спори в сфері розвитку: перспективи відокремлення у самостійний вид міжнародних спорів / Н. О. Якубовська // Научный вестник Ужгородского национального университета. Серия «Право». — 2012. — № 20, ч. 2. — С. 173–176.*
5. Существует широкий консенсус относительно того, что иностранные инвестиции оказывают положительное влияние на развитие национальной хозяйственной системы. Как правило, они стимулируют экономический рост, повышение производительности, создание новых рабочих мест, увеличение налоговых поступлений, усиление внутренней конкурентной борьбы и, как результат, более активное использование инновационных методов и технологий. Это в равной степени относится и к промышленно развитым странам, и к развивающимся государствам [3, с. 161–162].
 6. Отводя толкованию центральное положение в функционировании права, И. И. Лукашук определяет его как процесс выяснения смысла нормы, а также определения последствий, которые по смыслу нормы должны последовать при данном положении дел [4, с. 610].
 7. В некоторых спорах инвестиционные арбитражи, рассматривая термин «инвестиции» по смыслу Вашингтонской конвенции, отвергали или преуменьшали такой критерий, как вклад в экономическое развитие принимающего государства, в связи с предполагаемой сложностью или невозможностью установления его границ (например, в споре *Malaysian Historical Salvors Sdn Bhd v Malaysia* [23]).

Л и т е р а т у р а

1. Віденська Конвенція про право міжнародних договорів від 23 травня 1969 року // Відомості Верховної Ради Української РСР. — 1986. — № 17. — Ст. 343.
2. Broude T. Development Disputes in International Trade / Y.-S. Lee, G. Horlick, W.-M. Choi, T. Broude (eds.) // Law and Development Perspective on International Trade Law. — Cambridge University Press, 2011. — 458 p.
3. Шилл Ш. Право защиты инвестиций как элемент международного права развития / Ш. Шилл // Институт Макса Планка, Дайджест Публичного Права. — 2013. — Вып. 2. — С. 157–217.
4. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. В 2 т. Т. 1. Заключение международных договоров / И. И. Лукашук. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 672 с.
5. Documents of the second part of the seventeenth session and of the eighteenth session including the reports of the Commission to the General Assembly // Yearbook of the International Law Commission. — 1966. — Vol. II. — 370 p.
6. Перетерский И. С. Толкование международных договоров / И. С. Перетерский ; отв. ред.: С. Б. Крылов, Г. И. Тункин. — М. : Госюриздат, 1959. — 172 с.
7. Насырова Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона: теория и практика / Т. Я. Насырова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1988. — 143 с.
8. Rights of Nationals of the United States of America in Morocco (France v. United States of America), Judgment of 27 August 1952 [Electronic source]. — Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/11/1927.pdf>.
9. Maritime Delimitation in the Area between Greenland and Jan Mayen (Denmark v. Norway), Judgment of 14 June 1993 [Electronic source]. — Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/78/6743.pdf>.
10. United States — Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products, WTO, Report of the Appellate Body, 12 October 1998 [Electronic source]. — Mode of access: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/58abr.pdf.

11. ICJ Advisory Opinion on the Competence of the General Assembly for the Admission of a State to the United Nations of 3 March 1950 [Electronic source]. — Mode of access: <http://www.icj-cij.org/docket/files/9/1883.pdf>.
12. Ruse-Khan H. G. A Real Partnership for Development? Sustainable Development as Treaty Objective in European Economic Partnership Agreements and Beyond / *H. G. Ruse-Khan* // *Journal of International Economic Law*. — 2010. — № 13 (1). — P. 139–180.
13. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 мая 1965 года // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. — Нью-Йорк, 1973. — Т. 2.
14. Anne A. International Investment Law and Sustainable Development : Developing a New Conceptual Framework / *A. Anne, T. Lehmann* // *University of St. Gallen Law & Economics Working Paper*. — 2011. — № 10.
15. García-Bolívard O.E. Defining an ICSID Investment: Why Economic Development Should be the Core Element [Electronic source]. — Mode of access: http://www.iisd.org/itn/2012/04/13/defining-an-icsid-investment-why-economic-development-should-be-the-core-element/#_ftn2
16. Mr. Patrick Mitchell v. Democratic Republic of the Congo, ICSID Case No. ARB/99/7 Award, February 04, 2004 [Electronic source]. — Mode of access: https://icsid.worldbank.org/ICSID/FrontServlet?requestType=CasesRH&actionVal=showDoc&docId=DC2812_En&caseId=C183
17. Amco Asia Corporation and Others v. Republic of Indonesia, ICSID Case No. ARB/81/1, Decision on Jurisdiction, May 10, 1988 [Electronic source]. — Mode of access: https://icsid.worldbank.org/ICSID/FrontServlet?requestType=CasesRH&actionVal=showDoc&docId=DC663_En&caseId=C126
18. Agreement between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the Republic of Cuba for the Promotion and Protection of Investments, signed on 30 January 1995 (entered into force 11 May 1995) [Electronic source]. — Mode of access: [at<www.unctad.org/sections/dite/iaa/docs/bits/cuba_uk.pdf>](http://www.unctad.org/sections/dite/iaa/docs/bits/cuba_uk.pdf)
19. International Investment Law: Understanding Concepts and Tracking Innovations. A Companion Volume to International Investment Perspectives. — OECD Publishing, 2008. — 308 p.
20. Договір між Україною та Сполученими Штатами Америки про заохочення та взаємний захист інвестицій від 04.03.1994 // Офіційний вісник України. — 2010. — № 15. — Ст. 716.
21. Joseph Charles Lemire v. Ukraine, ICSID Case No. ARB/06/18, Decision on Jurisdiction and Liability, January 14, 2010 [Electronic source]. — Mode of access: [http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:iic/424-2010.case.1/IIC424\(2010\)D.pdf](http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:iic/424-2010.case.1/IIC424(2010)D.pdf).
22. Salini Costruttori SpA and Italstrade SpA v. Morocco, ICSID Case No ARB/00/4, Decision on Jurisdiction, July 23, 2001 [Electronic source]. — Mode of access: <http://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/ita0738.pdf>.
23. Malaysian Historical Salvors Sdn Bhd v. Malaysia, ICSID Case No. ARB/05/10, Award on Jurisdiction, May 17, 2007 [Electronic source]. — Mode of access: https://icsid.worldbank.org/ICSID/FrontServlet?requestType=CasesRH&actionVal=showDoc&docId=DC654_En&caseId=C247

А н н о т а ц и я

Якубовская Н. А. Развитие как цель: телеологическое толкование международных договоров в практике Международного центра по урегулированию инвестиционных споров. — Статья.

Статья посвящена рассмотрению практики международных судов при толковании международных договоров, регулирующих деятельность государств в сфере сотрудничества в целях развития, в свете их объекта и цели. В качестве примера приводится практика арбитражных трибуналов Международного центра по урегулированию инвестиционных споров. Показано, что телеологическая интерпретация Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств 1965 года и ряда международных инвестиционных соглашений позволила инвестиционным арбитражам прийти к выводу, что иностранные инвестиции должны вносить положительный вклад в экономическое развитие государств.

Ключевые слова: развитие, телеологическое толкование международного договора, МЦУИС, иностранные инвестиции.

А н о т а ц і я

Якубовська Н. О. Розвиток як мета: телеологічне тлумачення міжнародних договорів у практиці Міжнародного центру з врегулювання інвестиційних спорів. — Стаття.

Статтю присвячено розгляду практики міжнародних судів при тлумаченні міжнародних договорів, що регулюють діяльність держав в сфері співробітництва з метою розвитку, в світлі їх об'єкта і мети. Як приклад наводиться практика арбітражних трибуналів Міжнародного центру з врегулювання інвестиційних спорів. Показано, що телеологічна інтерпретація Конвенції про врегулювання інвестиційних спорів між державами та фізичними або юридичними особами інших держав 1965 року і ряду міжнародних інвестиційних угод дозволила інвестиційним арбітражам дійти висновку, що іноземні інвестиції повинні вносити позитивний внесок у економічний розвиток держав.

Ключові слова: розвиток, телеологічне тлумачення міжнародного договору, МЦВІС, іноземні інвестиції.

S u m m a r y

Yakubovskaya N. A. Development as purpose: teleological interpretation of international treaties in practice of International Centre for Settlement of Investment Disputes. — Article.

The practice of international courts in relation to interpretation of the international treaties, which regulate interstate cooperation in the field of development, in the light of object and purpose is analyzed. As an example, the practice of International Centre for Settlement of Investment Disputes is given. It is shown that a teleological interpretation of the 1965 Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States and the number of international investment agreements has allowed the investment tribunals to conclude that foreign investments should positively contribute to economic development of states.

Keywords: development, teleological interpretation of international treaty, ICSID, international investments.